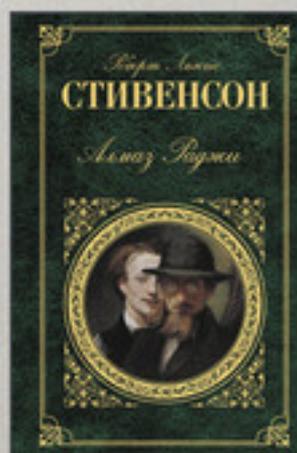

Роберт Льюис Стивенсон

Похититель трупов

*Часть сборника
Алмаз раджи (сборник)*

Роберт Льюис Стивенсон

Похититель трупов

«Public Domain»

1884

Стивенсон Р.

Похититель трупов / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1884

«Аккуратно каждый вечер мы четверо – гробовщик, хозяин «Джорджа», Феттс и я – собирались в малой зале этой дебенгемской гостиницы. Иногда заходил кто-нибудь еще, но мы-то уж непременно каждый вечер бывали на своих обычных местах. Веял ли легкий ветер, бушевал ли вихрь, хлестал ли дождь, падал ли снег или трещал мороз, нам было все равно; каждый из нас усаживался в свое кресло...»

Роберт Льюис Стивенсон

Похититель трупов

Аккуратно каждый вечер мы четверо – гробовщик, хозяин «Джорджа», Феттс и я – собирались в малой зале этой дебенгемской гостиницы. Иногда заходил кто-нибудь еще, но мы-то уж непременно каждый вечер бывали на своих обычных местах. Веял ли легкий ветер, бушевал ли вихрь, хлестал ли дождь, падал ли снег или трещал мороз, нам было все равно; каждый из нас усаживался в свое кресло.

Феттс, старый, вечно пьяный шотландец, как оказалось, получивший образование, по-видимому, располагал кое-какими средствами, так как мог жить, не делая ровно ничего. Много лет тому назад Феттс (в те времена еще молодой человек) явился в Дебенгем и только благодаря тому, что он безвыездно жил в нашем городе, стал для коренных горожан «своим». Синий камлотовый сюртук Феттса сделался чуть не такой же местной достопримечательностью, как дебенгемская колокольня.

Феттс постоянно заседал в «Джордже», никогда не бывал в церкви, отличался множеством самых низких пороков, но Дебенгем принимал все это как нечто неизбежное и само собой разумеющееся. Время от времени Феттс высказывал довольно неопределенные радикальные мнения или очень нечестивые взгляды и подчеркивал их, громко стуча рукой о стол. Он пил ром – аккуратно по пять стаканов в вечер – и большую часть своего пребывания в «Джордже» сидел насыщенный алкоголем, держа в правой руке стакан. Мы называли его доктором, так как предполагалось, что он обладает знанием медицины. Вдобавок Феттс несколько раз перевязывал переломы или вправлял вывихи. Но кроме этих немногих сведений, нам не было известно ничего о нем и о его прошлом.

Раз в темный зимний вечер пробило девять часов, а хозяин гостиницы все еще не присоединился к нам. В это время в «Джордже» лежал больной, один очень известный соседний помещик, пораженный апоплексическим ударом по дороге в парламент. К нему телеграммой вызвали еще более известного лондонского доктора. Для Дебенгема это было новым событием: в то время только что открылась железная дорога к нам. Понятно, все мы волновались.

– Он приехал, – набив и закурив трубку, сказал подошедший к нам хозяин «Джорджа».

– Он? – спросил я. – Кто «он»? Ведь не доктор же?

– Он самый.

– А как его фамилия?

– Макферлен, – сказал хозяин.

Феттс допивал третий стакан, тупо отхлебывая ром и то покачиваясь, то оглядываясь кругом изумленным взглядом. Но едва прозвучало последнее слово, он как бы проснулся и дважды повторил фамилию: «Макферлен»; в первый раз довольно спокойно, во второй – со внезапным волнением.

– Да, – сказал хозяин, – это доктор Уольф Макферлен.

Феттс сразу отрезвел; его взгляд оживился, голос стал ясен, звучен, тверд; выражения приобрели силу и резкость. Перемена в нем поразила всех, нам показалось, будто перед нами воскрес мертвый.

– Извините, – сказал он, – я был невнимателен и плохо понял ваш разговор. Кто этот Макферлен?

Выслушав рассказ хозяина, он прибавил:

– Этого не может быть, не может быть!.. А между тем мне хотелось бы встретиться с ним лицом к лицу!

– Разве вы его знаете, доктор? – с удивлением спросил гробовщик.

– Боже сохрани, – был ответ, – но это необыкновенное имя. Странно представить себе, что два человека носят его. Скажите мне, хозяин, он стар?

– Как вам сказать? Он, конечно, не молод, и у него седые волосы, но на вид он моложе вас.

– Старше на много лет, старше, – проговорил Феттс и, ударив рукой по столу, прибавил: – Во мне вы видите следы рома... рома и греха. Может быть, у этого человека спокойная совесть и здоровый желудок? Совесть! Слушайте! Подумаете ли вы, что я был порядочным человеком, хорошим христианином? Поверите? Но нет, нет. Я никогда не был ханжой. Будь на моем месте Вольтер, он, пожалуй, сделался бы святошей. Но мой мозг, – пальцы Феттса забарабанили по его лысому черепу, – мой ясный мозг не спал; я смотрел и видел, не делая выводов.

– Очевидно, если вы знаете этого доктора, – после тяжелого молчания заметил я, – вы не разделяете того хорошего мнения, которое имеет о нем наш хозяин.

Феттс не удостоил меня взглядом.

– Да, – с внезапной решимостью произнес он, – я должен встретиться с ним лицом к лицу!

Новое молчание. На первом этаже резко стукнула дверь, и по лестнице застучали шаги.

– Это доктор, – произнес хозяин, – скорее, и тогда вы поймаете его.

От нашей гостиной до выходных дверей старого «Джорджа» было всего два шага. Широкая дубовая лестница оканчивалась в крошечных сенях; между ее последней ступенью и порогом выходной двери умещался только турецкий ковер. Это небольшое пространство каждый вечер заливал яркий свет от наружного фонаря под вывеской и от ламп, лучи которых лились из окна ресторана. Таким-то путем сияющий «Джордж» давал о себе знать прохожим, окруженным тьмой и холодом улиц.

Феттс спокойно прошел в светлые сени, и мы, следившие за ним, видели, как встретились эти два человека, по выражению одного из них, «лицом к лицу». Доктор Макферлен, сильный, ловкий господин с седыми волосами и с холодным, спокойным, полным энергии лицом, был одет роскошно, на нем платье из тонкого сукна и белоснежное белье; на его жилете висела толстая золотая часовая цепочка с золотыми брелоками. Очки его были из того же дорогого металла. Шею доктора окружал широкий белый галстук с лиловыми крапинками. На руке он нес теплый меховой плащ. Очевидно, доктор жил в атмосфере богатства и уважения. Странный контраст составлял с ним наш товарищ по «Джорджу» – лысый, неопрятный, в старом камлотовом сюртуке. Феттс подошел к доктору подле лестницы.

– Макферлен, – довольно громко позвал он, скорее голосом герольда, нежели друга.

Знаменитый врач замер на четвертой ступени снизу и выпрямился, точно бесцеремонность этого обращения его удивила и оскорбила в нем чувство собственного достоинства.

– Тодди Макферлен, – повторил Феттс.

Приезжий из Лондона чуть не упал. В течение самого короткого времени он неподвижно смотрел на человека, бывшего перед ним, потом, как бы с испугом, оглянулся и шепотом произнес:

– Феттс... вы?..

– Да, – ответил тот, – я. Разве вы думали, что и я умер? Наше знакомство не так-то легко порвать.

– Молчите, молчите, – произнес доктор, – молчите; это такая неожиданная встреча – я вижу, вы поражены. Сознаюсь, сначала я не узнал вас. Но я очень рад, в высшей степени рад, что мне представился случай вас увидеть. В настоящую минуту мы можем сказать друг другу только: «Здравствуйтесь» да «Прощайтесь», потому что меня ждут дрожки и мне нельзя опоздать на поезд. Но вы... Дайте подумать!.. Да, да, скажите мне ваш адрес и знайте, что вы скоро получите обо мне известия. Мы должны что-нибудь сделать для вас, Феттс. Боюсь, что вам живется плоховато; но мы позаботимся об этом «ради старых дней», как певалось во время наших ужинов.

– Деньги, – резко произнес Феттс, – деньги от вас? Ваши деньги лежат там, куда я швырнул их во время дождя.

Говоря с Феттсом, доктор Макферлен успел оправиться; к нему вернулась доля его прежней уверенности и высокомерия; однако необыкновенная энергия отказа снова смутила его.

Почтенное лицо доктора на мгновение приняло отталкивающее, злобное выражение.

– Милейший, – сказал он, – предоставляю вам действовать как угодно; я совсем не хочу обижать вас. Я никому ничего не навязываю... А все же оставлю вам мой адрес и...

– Мне его не нужно, я не хочу знать, в каком доме вы живете, – прервал его Феттс. – Я услышал ваше имя, и мне стало страшно, что, может быть, речь действительно идет о вас... Я все стремился допытаться, существует ли в мире Бог... Теперь я знаю, что Бога нет. Уйдите!

Феттс все еще стоял между лестницей и выходной дверью, так что великий лондонский врач мог пройти на улицу, только обогнув его. Мысль об этом унижении заставила Макферлена медлить. Он был бледен, и за стеклами его очков поблескивали опасные огоньки. Но, стоя в нерешительности, он заметил, что кучер его дрожек смотрит с улицы на необыкновенную сцену, в то же время он увидел и нашу маленькую компанию, сгустившуюся в уголке бара. Присутствие стольких свидетелей заставило Макферлена обратиться в бегство. Он согнулся и, задевая за обшивку передней, с быстротой змеи кинулся к выходной двери. Но не все волнения окончились для него; когда он поравнялся с Феттсом, тот схватил его за руку, и в комнате прозвучали следующие слова, произнесенные шепотом, но со страшной отчетливостью:

– Вы опять видели его?

Великий, богатый лондонский врач громко закричал; это был резкий, прерывистый, дрожащий вопль. Макферлен отшвырнул Феттса и, закинув руки за голову, как уличенный вор, выбежал из дверей. Раньше, чем кто-либо из нас успел пошевелиться, дрожки задрезжали к станции. Все, что случилось, походило на сон, но после сна этого остались последствия. На следующий день слуга нашел на пороге разбитые золотые очки, а в вечер происшествия мы все, еле дыша, столпились подле окна ресторана; с нами был и Феттс, совершенно трезвый, бледный и с выражением решительности на лице.

– Спаси нас Бог, мистер Феттс, – сказал хозяин «Джорджа», первый пришедший в себя. – Что все это значит? Странные вещи говорили вы.

Феттс обернулся к нам и поочередно посмотрел на каждого из нас.

– Попридержите-ка языки, – сказал он, – небезопасно стоять на пути Макферлена; многие раскаялись в этом, да поздно.

Потом, не допив своего третьего стакана, не дожидаясь четвертого и пятого, он простился с нами, мелькнул под лампой лестницы и ушел в черную ночь.

Мы трое вернулись в гостиную с ее раскаленным камином и четырьмя яркими свечами и стали перебирать все случившееся. Мало-помалу ледящее чувство изумления сменилось в нас жгучим любопытством. Мы долго не расходились; насколько я помню, нам никогда не случилось оставаться в «Джордже» позже, чем в эту ночь. Каждый из нас высказывал свое предположение, обязуясь со временем доказать его справедливость. И всем нам стало казаться, будто для нас важнее всего в мире разведать прошлое нашего товарища и открыть тайну, которую он разделял со знаменитым доктором. Не хвастаюсь, но мне сдается, что я удачнее всех раскрыл ее; и может быть, теперь никто из живущих людей не мог бы рассказать вам о тех ужасных, противоестественных событиях, историю которых я изложу ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.